

© 1994 г.

М.И. ЖАБСКИЙ

ИДЕОЛОГИЯ ВЫБОРОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЖАБСКИЙ Михаил Иванович — доктор социологических наук, заведующий отделом социологии кино НИИ киноискусства. Наш постоянный автор.

Вслед за политиками социологам тоже приходится делать определенные выводы из того факта, что расклад предпочтений российского электората в декабре 1993 г. оказался неожиданным. К этому их обязывает не только профессиональный долг, но и меняющееся отношение общества к социологии. Случившаяся «осечка» в прогнозировании исхода выборов в какой-то степени помогла российскому обществу лучше осознать свою объективную потребность в «социологических услугах» и обрести большую чувствительность к неудовлетворительному их качеству.

Вопросов, требующих в этой связи обсуждения и практического решения, немало. Один из них подсказывает уже сама память по ассоциации с реакцией западной общественности на ошибочный прогноз Институтом Гэллапа исхода президентских выборов в США в 1948 г. Тогда принципиальному сомнению был подвергнут сам метод выборочного опроса [1, с. 17—18]. Нечто подобное сегодня вряд ли может повториться. Но вот способ применения данного метода, безусловно, должен стать предметом критического анализа. По крайней мере, в социологической среде. Тем более, что такого рода призывы высказывались задолго до декабрьских выборов [2].

Изыяны в применении методов выборочного наблюдения, а вместе с ними и направление усилий по их устранению станут более очевидными, если вооружиться строгой Дефиницией феномена репрезентативности, четким пониманием онтологических и гносеологических оснований выборочного обследования, если опираться на выверенный концептуальный аппарат и обоснованную теоретическую модель процесса репрезентации. В таком случае в распоряжении исследователя окажется некий теоретический эталон которым можно будет поверять применяемые методики, своевременно выявлять в них и устранять всевозможные «отклонения». Таким образом, мы рассмотрим исходные концептуальные вопросы, основания и логику репрезентации исследуемого объекта, связанные с этим методические трудности.

Имея в виду исследовательскую практику в целом, можно констатировать: насколько сложна онтологическая и гносеологическая природа выборочного метода в социологии, настолько и рутинно, легкомысленно его применение во многих изысканиях. Сплошь и рядом социологи не чувствуют себя связанными требованиями теории выборочного наблюдения. С легкостью необыкновенной эти требования замещаются или подправляются соображениями «здравого смысла». Сознательно идя на грубое нарушение теоретических принципов, исследователи, однако, полагают, что это не приводит к серьезному искажению получаемых результатов. Но такого рода методологическое отступничество не остается без последствий. Если социолог не «чувствует» глубинной сути выборочного метода, не руководствуется ее пониманием при разработке конкретных процедур, если он игнорирует исходные концептуальные вопросы, то в более или менее сложных исследовательских ситуациях ему трудно рассчитывать на успех. К сожалению, в нашей литературе методологическим аспектам выборочного метода не уделено должного внимания. Ниже мы попытаемся в какой-то степени восполнить имеющийся пробел.

Опасность некорректного применения выборочного метода таится уже в том, как социолог мыслит себе репрезентативность. Ведь этот феномен — цель и критерий всего процесса репрезентации. Обычно социологи понимают репрезентативность как моделирование генеральной совокупности выборочной. Такое определение практически срывает не всегда и не в полной мере, ибо теоретически оно не совсем корректно.

Так, в качестве ключевого в нем использовано статистическое понятие выборочной совокупности. Последняя базируется на сходстве входящих в нее единиц не только по определенному (изучаемому) свойству, но и по способу — статистическому! — образования. Выборка как статистическая масса — это множество единиц, извлеченных из конкретного множества при соблюдении равной или известной вероятности отбора. И что особенно важно — к ней применимы математические формулы расчета ошибки репрезентации. Но социолог пользуется и нестатистическими процедурами репрезентации, а стало быть, не всегда имеет дело с выборочными совокупностями в строгом статистическом смысле этого термина.

Применительно к реалиям социологических исследований традиционное определение репрезентативности представляется не совсем корректным еще и потому, что оно оказывается весьма «усеченным». В самом деле, когда социолог применяет вероятностный отбор, процесс моделирования репрезентируемого объекта не покрывается методическими действиями, заключенными в промежутке движения от пункта «генеральная совокупность» к пункту «выборка».

Социолог имеет дело с двумя объектами — целевым и непосредственным. Целевой объект исследования — все те единицы, о которых в конечном счете необходимо получить информацию, а непосредственный — совокупность единиц, подвергающихся непосредственному наблюдению в процессе сбора первичных данных. Задача социолога состоит в том, чтобы репрезентировать целевой объект исследования, извлечь из него и обследовать репрезентативную группу единиц. И репрезентативность должна видиться им как достаточно точное отражение целевого объекта исследования непосредственно обследуемым объектом по заданному составу и состоянию репрезентируемых признаков на момент репрезентации каждого из них. Эта формулировка имеет то преимущество, что принимает во внимание некий — в социологии иногда прямотаки значительный — «зазор» между целевым объектом и генеральной совокупностью, между непосредственно обследуемым объектом и спроектированной выборкой.

Для математической модели «урны с шарами», лежащей в основе теории вероятностного отбора, характерно, что принцип равновозможности попадания в выборку обеспечивается путем помещения всех шаров в одном месте, тщательного их перемешивания и механической процедуры извлечения. В социологическом исследовании

условия отбора по своему содержанию существенно отличны. Объектом изучения являются коллективы людей, к которым не применимы механические манипуляции. Поэтому для проведения отбора отдельные единицы исследования или группы единиц обозначаются символами, которые уже можно прямо или косвенно собрать в одном месте и «перемешать». Таким путем создается фиктивная совокупность (основа выборки), замещающая целевой объект в процессе отбора.

После этого замещения социологу наряду с понятием целевого объекта уместно воспользоваться родственной, но не тождественной ему статистической категорией «генеральная совокупность». Между ними социологи нередко ставят знак равенства, что, если говорить не об идеальном, а о реальном, эмпирическом объекте, неверно теоретически и чревато негативными практически последствиями. Заключенным в кавычки термином статистики обозначают «совокупность, из которой производится отбор» [3, с. 106]. В социологическом исследовании, в отличие от статистического, извлечение единиц исследования — и тем более их включение в обследуемый объект — сплошь и рядом осуществляется не из всего целевого объекта, но лишь из определенной его части (грубый пример тому — телефонный опрос при прогнозировании исхода выборов). Эта часть и представляет собой «генеральную совокупность». Имея в виду статистическую практику, У. Кокрен высказал замечание, которое для социологов особенно важно: «совокупность, из которой производится отбор (обследуемая совокупность), должна совпадать с совокупностью, о которой мы хотим собрать сведения (изучаемая совокупность)» [4, с.20]. Для большей ясности в понимании и решении этой проблемы уместно пользоваться понятиями целевого объекта и генеральной совокупности. Социолог должен стремиться к тому, чтобы генеральная совокупность полностью охватывала целевой объект. При вероятностном отборе проблема в той или иной степени решается поиском либо созданием соответствующей основы выборки.

В «чистом виде» выборочная совокупность предстает как символически обозначенные единицы исследования, подлежащие наблюдению. Социологу эта подлинная выборка обычно полностью доступна лишь в форме операционального определения, в виде проекта. Символически намеченная в нем совокупность респондентов образует непосредственный объект исследования в возможности. Она может быть исключительно точной моделью целевого объекта, но обследованная впоследствии группа будет отражать его искаженно. Ибо непосредственный объект исследования — это не просто изначально намеченная выборка, а в той или иной мере реализованная выборка. Уровень ее реализации, как правило, ниже 100% и бывает чрезмерно низким. Существует мнение, что при уровне ниже 75% мы лишаемся возможности утверждать о составе непосредственного объекта методом вероятностного отбора. Кроме того, непосредственный объект порой включает в себя единицы, не принадлежащие выборке (когда, скажем, интервьюер опрашивает людей, не попавших в нее).

Репрезентативность непосредственного объекта зависит от качества решения трех Проблем: охвата целевого объекта генеральной совокупностью, создания достаточно точной выборки на уровне ее символического выделения и трансформации этой выборки в непосредственно обследуемый объект. Решение первых двух проблем связано с разработкой методики собственно отбора, а третьей — с вовлечением мысленно (символически) отобранных лиц в исследовательский процесс. Как видим, в методическом отношении создание непосредственного объекта исследования далеко не покрывается проектированием выборочной совокупности. Первое не следует приравнивать точнее редуцировать ко второму. Репрезентативность выборки, существующей в проекте, это лишь половина пути к репрезентативности непосредственно обследуемого объекта. К репрезентативности, достигаемой, кстати, с помощью двух процедур — выборки и опроса.

Определение репрезентативности через соотношение статистических понятии генеральной совокупности и выборки можно назвать узким. Воспользовавшись понятиями

целевого и непосредственно обследуемого объектов, мы получаем широкую, можно сказать, исчерпывающую дефиницию, поскольку в ней охвачена вся дистанция от исходного до конечного пункта процесса репрезентации как целостной методической деятельности. Определение покрывает основные методические «шаги», заключенные между этими крайними пунктами и направленные на то, чтобы, во-первых, обеспечить исчерпывающий охват целевого объекта генеральной совокупностью, во-вторых, достаточно точно отразить генеральную совокупность в выборке, в-третьих, адекватно реализовать последнюю в непосредственно обследуемом объекте. Широкое определение имеет логико-методологический характер, узкое — методический, статистико-методический. Первое уместно при рассмотрении процесса репрезентации в целом и качества его результатов, второе — в контексте разработки и оценки качества собственно выборочной процедуры. Поэтому оба определения не исключают, а дополняют друг друга — разумеется, в тех случаях, когда применяется вероятностный отбор. Если исследователь опирается на двойное определение — оно наилучшим образом выполняет свои функции цели и критерия качества выборочного обследования.

Обратим внимание, что и репрезентируемый, и репрезентирующий объекты социолог создает как бы дважды — теоретически (мысленно) и практически. Сначала они намечаются на уровне целеполагания, а затем предстают в виде конкретного результата реализации цели. Мысленное выделение того, что необходимо репрезентировать, осуществляется с помощью определения изучаемого объекта в программе исследования, а практическое — созданием основы выборки, в которой операционально фиксируется генеральная совокупность. Применительно к репрезентирующей модели соответствующими вариантами выступают мысленно намеченная выборочная совокупность и непосредственно обследованный объект. В чистом виде моделируемая совокупность воплощается в целевом объекте, а используемая модель — в непосредственно обследуемом. С помощью этих понятий и дано выше второе — «широкое» — определение репрезентативности.

Моделируя изучаемую совокупность практически, мы, правда, на определенных этапах не можем руководствоваться широкой дефиницией в качестве методологического ориентира. Именно потому, что она широкая. Например, после того, как целевому объекту подобран эмпирический эквивалент (генеральная совокупность посредством основы выборки как ее операционализации), какое-то время уже нет нужды пользоваться исходным понятием. В то же время понятие непосредственного объекта не «работает» на этапах, предшествующих эмпирическим замерам. Собственно выборочная процедура начинается с практического выделения изучаемой в конечном счете совокупности — с замены целевого объекта генеральной совокупностью посредством подобранной к нему основы выборки. А завершается теоретическим выделением той совокупности единиц, которая должна обследоваться непосредственно, то есть мысленным выделением выборки. На использовании этих «работающих» в данном случае статистических понятий и строится «узкое» определение репрезентативности.

Подготовив проект выборки и приступив к осуществлению третьего по счету «шага» в процессе репрезентации — вовлечению в исследовательский процесс мысленно намеченных единиц, социолог возвращается к широкому определению репрезентативности. Оно уместно и в контексте итоговой оценки качества результатов исследования.

Оба определения — широкое и узкое — тождественны при условии, что генеральная совокупность, представленная основой выборки, полностью совпадает с целевым объектом, а непосредственно обследованный объект — с мысленно намеченной выборкой. Это тождество имеет место на «идеальном» объекте, которым оперирует статистическая теория выборочного метода. Для исследовательской практики в социологии, как уже отмечалось, характерен «зазор» между соотносимыми явлениями. Чем больше одно отличается от другого, тем больше потребность в использовании обоих

определений. К сожалению, обеспечить эмпирический эквивалент целевому объекту и мысленно намеченной выборке зачастую без искажений просто невозможно. В отдельных случаях искажения весьма значительны. Так, в исследовании, проведенном в Гродно, нам удалось обследовать лишь 74% лиц, попавших в вероятностную выборку. В подобных случаях нельзя ограничиться определением репрезентативности, сформулированным в статистических терминах. Потребность в двух определениях является одной из особенностей постановки вопроса о репрезентативности в социологии.

Вопрос о соотношении теории и метода особенно остро стоит в тех случаях, когда целевой объект репрезентируется методом квот, с помощью которого, кстати, осуществляется у нас прогнозирование исхода выборов. Примечательно, что проблематична и сама постановка вопроса. Как утверждает Э. Ноэль, «в защиту "истинной" вероятностной выборки убедительно свидетельствует... теория» [1, с.116]. С методом квот, по ее мнению, дело обстоит совсем иначе: «...Еще не найдено теоретическое доказательство (и, вероятно, никогда найдено не будет), что при правильно составленной квотной выборке и соблюдении интервьюерами полученных инструкций результаты... могут быть обобщены с соответствующими отклонениями. Допустимость такого обобщения может получать подкрепление в ходе систематических экспериментов» [1, с. 117]. Значит, репрезентативные модели методом квот исследователи создавать могут — на этот счет имеются веские доказательства, а вот теоретически объяснить и наперед доказать определенную вероятность получения достаточно точной выборки они принципиально не в состоянии.

Судя по всему, «теоретическое доказательство» Э. Ноэль понимает очень широко: от раскрытия глубинных закономерностей, лежащих в основе квотного отбора, до уяснения тех приемов, благодаря которым они проявляют свое действие в конкретном исследовании и обеспечивают его репрезентативность. Такая задача, действительно, чрезвычайно сложна, но, думается, все же разрешима, по крайней мере, в той части, что связана с пониманием онтологической и гносеологической природы квотного метода.

В этой связи обратим внимание, что репрезентацию целевого объекта социолог производит, опираясь на закон больших чисел, статистические закономерности или просто статистические факты социальной жизни. Использование обоих типов объективной связи может строиться на разной гносеологической основе — преимущественно на обыденном сознании или научной теории. В зависимости от комбинации онтологических и гносеологических оснований, задействованных в конкретном методе, целесообразно различать следующие отборы: 1) случайный неравновозможный; 2) вероятностный; 3) «по усмотрению»; 4) социологический. При одновременном использовании разных онтологических и гносеологических оснований социолог имеет дело с комбинированным отбором [5, с. 152]. Квотный метод как раз и является таковым.

Применяя его, социолог опирается на два типа объективных закономерностей: закон больших чисел и социальные связи статистического характера (корреляционные зависимости). При этом закон больших чисел проявляет свое действие ограниченно, частично — нередко лишь в рамках возможностей его интуитивного понимания на уровне обыденного сознания и интуитивного же применения в повседневной практике. Аналогично обстоит дело и с использованием социально-статистических закономерностей.

В практико-методическом плане частичное — в одних случаях большее, в других меньшее — действие закона больших чисел исследователь вызывает с помощью приемов систему которых можно назвать случайным неравновозможным отбором. Эффективность этого метода опытный социолог стремится поднять до уровня вероятностного отбора. Хотя это в известной степени ему может удаваться, тем не менее теоретически доказать высокую вероятность такого эффекта, мягко говоря, трудно. Ибо само стремление социолога к случайному отбору и обеспечению «случайности» в рамках квотного метода внутренне противоречивы. С одной стороны, он стремится, по

возможности, исключить субъективный момент при решении вопроса, какие единицы целевого объекта исследования должны попасть в непосредственно обследуемые. И отбор действительно случаен в том смысле, что осуществляется наугад, что отдельным единицам исследования не отдается предпочтение на том основании, что им свойственны те или иные характеристики в плане изучаемой проблемы. Вместе с тем способ осуществления «случайного» отбора не лишен субъективного момента. Человеку, в данном случае интервьюеру или анкетеру, не дано сыграть роль некоего объективного случая. Производимый отбор наугад не обеспечивает равного шанса попадания в выборку для каждой единицы целевого объекта исследования. В рамках статистической теории нельзя преодолеть свойственное природе квотного метода противоречие между стремлением социолога к случайному отбору единиц наблюдения и отказом от строгой системы, в полной мере обеспечивающей случайность, равный шанс попадания в выборку для всех единиц исследования.

Поскольку случайный неравновозможный отбор не гарантирует необходимых и достаточных условий для удовлетворительного проявления действия закона больших чисел, то в целях компенсации вероятных смещений исследователь сознательно или бессознательно пытается задействовать и другой тип закономерностей — социально-статистические связи. Выражается это в более или менее строго контролируемом воспроизводстве в выборке свойственных целевому объекту пропорций ряда демографических и социальных признаков, находящихся в корреляционной связи с исследуемыми мнениями, оценками и т.д. В своих наиболее совершенных проявлениях эта часть действий по моделированию целевого объекта может базироваться не только на обыденном, но и на социологическом знании о взаимосвязях общественной реальности. В таком случае составной частью метода квот оказывается социологический отбор; связанный с ним субъективный момент в формировании состава выборки трансформируется в нечто объективное. В процедурном плане социологическое обоснование выборки отличается от обычной практики использования в квотном методе социально-статистических закономерностей примерно так, как вероятностный метод отличается от случайного неравновозможного.

Для того чтобы отбор респондентов интервьюерами или анкетерами носил, по возможности, более случайный характер, им обычно предписывают целый ряд правил поведения. Например, не рекомендуется опрашивать более одного лица на конкретной улице, на одном и том же этаже дома и т.д. Для большей эффективности процедуры, связанной с моделированием целевого объекта по социально-демографическим признакам, выдвигаются другие требования: наличие надежных статистических данных для расчета квот, задание должно выводить интервьюера за пределы собственного социального окружения и т.д.

Нельзя не сказать о комплексе требований, при соблюдении которых, по мнению Э. Ноэль, репрезентативность квотной выборки «приближается к идеальной вероятностной выборке» [1, с. 124]. Дело в том, что в этом комплексе, как он сформулирован Э. Ноэль, отсутствует требование: социально-демографические признаки, пропорции которых в целевом объекте воспроизводятся в выборке, должны находиться в корреляционной связи с изучаемыми мнениями, оценками и т.д. Справедливо возражая против абсолютизации роли «квотирования» в обеспечении репрезентативности, Э. Ноэль, на наш взгляд, тоже не избежала крайности. «Действительная функция квот, — читаем мы в ее замечательной и по праву популярной у наших социологов книге "Опросы в массовом обществе" (именно это название значит в оригинале), — заключается в том, чтобы способствовать интервьюеру в проведении случайного отбора, при котором каждый член исходной совокупности имеет практически равную с другими возможность попасть в выборку... Лишь после этого можно говорить о роли квот в "стратификации" при использовании метода случайной выборки» [1, с. 114].

Тут явная теоретическая инверсия. «Квотирование» не обеспечивает каждой единице исходной совокупности равный шанс попадания в выборку, оно лишь

способствует его повышению. Это его влияние — не главное, и носит оно не всеохватывающий, а направленный характер, что достигается контролем за пропорциями пола, возраста и другими параметрами респондентов, т.е. за пропорциями признаков, находящихся в корреляционной связи со многими исследуемыми признаками или обуславливающих их. Не случайно квотируемые признаки иногда называют «критериями репрезентативности». Если бы корреляция не имела значения, то при наличии соответствующей информации квотирование с равным успехом можно было бы осуществлять по разного рода случайным признакам, как то: вес респондента, цвет его волос или глаз и т.д. Далее, в приведенной цитате сильно преувеличены возможности приближения квотной выборки к «идеальной вероятностной». Достаточно представить себе необъятную Россию, чтобы понять всю утопичность надежд и притязаний на обеспечение каждому ее гражданину равного шанса попадания в квотную выборку. Речь, наверное, должна идти о том, чтобы в условиях несовершенного случайного отбора, осуществляемого интервьюерами, квотирование способствовало представителям более или менее однородных (в плане изучаемой проблемы) слоев целевого объекта попадать в выборку в соответствии с их удельным весом. «Приметы» таких слоев — комбинации пола, возраста и т.д., характеризующие отдельные сегменты целевого объекта и его единицы.

Если предположить, что в реальной исследовательской практике квотирование способствует репрезентации целевого объекта, приводя в действие не столько социально-статистические закономерности, сколько закон больших чисел, то это можно было бы объяснить целым рядом причин. Так, квотный метод обычно не получает серьезного социологического обоснования. Социально-статистические закономерности задействуются им лишь постольку, поскольку они доступны обывденному сознанию. Зачастую сказывается и значительная однородность целевого объекта в том смысле, что его «страты» не очень разнятся между собой по раскладу изучаемых мнений, оценок и т.д. Чем больше их сходство, тем эффективнее квотный метод. В этой связи нелишне будет заметить, что дает себя знать и характер общества, в котором проводится исследование. Одно дело — стабильное общество, совсем другое — бурно меняющееся. Одно дело — общество с высокой степенью «морально-политического единства», и совсем другое — поляризованное, расколотое. С таким обществом сегодня как раз и имеют дело наши социологи. Метод квот приходится применять к чрезвычайно гетерогенным объектам. И тут фактор корреляции между квотируемыми и исследуемыми признаками нельзя недооценивать.

Чисто внешне квотный метод предельно прост. Социолог определяет величину и состав выборки по ряду демографических и социальных признаков, распределяет спроектированную выборку по индивидуальным заданиям интервьюеров или анкетеров, а те, в свою очередь, находят нужных респондентов. Такое впечатление, однако, быстро рассеивается, как только мы вникаем в характер закономерностей, которые должны быть приведены в действие процедурными средствами, чтобы метод «сработал» на уровне требований строгой науки. Становится ясно, что для достижения требуемой точности результатов исследования вероятностный отбор в собственно методическом плане доступнее, чем квотный. Другое дело, что он требует больше времени и средств.

Противоречие между внешней простотой квотного отбора и его действительной сложностью лишний раз напоминает об одном принципиальном условии профессионального отношения к этому методу. Прежде чем систематически применять его, каждый исследовательский коллектив обязан доказать и себе, и заказчикам, что разработанная и используемая им методика действительно эффективна. Способов доказательства немало, но, поскольку вероятностный отбор считается идеалом квотного метода, в любом случае необходимы параллельные замеры с применением обоих методов и сравнение полученных результатов. Это особенно важно сегодня, когда бурно изменяется общественная действительность, общество все больше

поляризуется, его стратификация весьма неопределенна, а точная социальная статистика в большом дефиците.

Возвращаясь к высказанной в начале статьи мысли о возрастающей чувствительности общества к качеству «социологических услуг», обратим внимание, что значение репрезентативности для получения точной информации часто преувеличивается или даже абсолютизируется. В связи с этим уместно провести следующую аналогию. Цепь, с помощью которой мы поднимаем ведро воды из колодца, состоит из большого количества звеньев. Воду удастся вытащить в том случае, если каждое из них выдерживает полную тяжесть груза: разорвись одно звено — ведро полетит вниз, как бы прочны ни были остальные звенья. Исследовательский процесс тоже состоит из ряда звеньев, объединенных в отдельные блоки: программирование исследования, организация и управление исследованием в целом, разработка методической документации, обеспечение репрезентативности, проведение полевых работ, подготовка первичной информации к обработке, машинная обработка, анализ результатов машинной обработки, составление отчета об исследовании. В каждом из них, можно сказать, решается судьба результатов. Промах в одном блоке может обесценить всю работу.

Из примера с колодцем ясно, что вовсе нет необходимости в том, чтобы одни звенья цепи были слабее, а другие прочнее. Все должны быть одинаково прочны в силу того, что прочность цепи в целом практически равна прочности ее слабейшего звена. Как же обстоит дело в социологическом исследовании с той «цепью», с помощью которой мы попытаемся поднять «груз точности»? Ошибка итоговых цифровых данных определяется не погрешностями методики работы в ее слабейшем звене, а всей совокупностью неточностей в исследовательском процессе. Правда, одни из них суммируются, другие — взаимно уничтожаются. Так, ошибка выборки может давать отклонение результата от фактического положения вещей с плюсом, а ответы опрашиваемых — с минусом. При этом происходит частичная или (теоретически) полная нейтрализация ошибки. Суммация ее произойдет при смещении в одну сторону. К сожалению, как правило, трудно сказать что-либо определенное о знаке смещения в конкретном случае.

Пожалуй, нет смысла говорить о том, что одно из звеньев методики исследования более важно, а другое — менее. Но зато можно говорить об их различной сложности. Многие полагают, что наибольшую сложность представляет проблема репрезентации — «кого опрашивать?» Однако это не так. В массе случаев куда труднее удержать ошибку регистрации в пределах одного процента («как опрашивать?»), чем создать непосредственно обследуемый объект, отражающий целевой объект с такой же точностью. Более сложным является и определение системы фактов, которые в целом необходимы и достаточны для достижения целей исследования. Словом, суть дела в том, чтобы, исходя из степени сложности разработки конкретного звена методики, «дозировать» труд и время научного коллектива, постоянно имея в виду комплексную обусловленность погрешностей результатов социологического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. М.: АВА—ЭСТРА, 1993.
2. Овсянников ВТ. О научности опросов общественного мнения // Социол. исслед. 1991. № 9.
3. Общая теория статистики / Кильдешев Г.С., Овсиенко В.Е., Рабинович П.М. и др. М.: Статистика, 1980.
4. Кокрен У. Методы выборочного исследования. М.: Статистика, 1976.
5. Жабский ММ. Обоснование репрезентативности социологического исследования // Социол. исслед. 1983. № 2.